

Развитие демографической политики КПК в отношении малых народов Китая (1949—2021 гг.)

Иван Валерьевич Ставров,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stavivan@yandex.ru

Китай на протяжении своей многовековой истории являлся демографической сверхдержавой, власти которой придерживались пронаталистских взглядов. Однако во второй половине XX в. руководство КНР обратило внимание на зависимость экономического роста от численности населения, в связи с чем стало проводить политику планирования семьи, которая, являясь реакцией на изменившуюся экономическую конъюнктуру, осуществлялась в форме курса на однодетность. Власти, прибегая к мерам по ограничению рождаемости, учитывали сложность национального состава населения, его неравномерное распределение по территории страны, поэтому соответствующий курс в политике народонаселения учитывал этот фактор. Задача данной работы состоит в анализе основных изменений демографической политики китайского государства в отношении неханьских национальностей с момента образования КНР и до отмены политики однодетности.

В 1950—1970-е гг. неханьцы исключались из курса планирования рождаемости. Изменения произошли с середины 1980-х гг., когда темпы увеличения численности неханьцев стали заметно опережать рост китайского населения, в результате чего была введена дифференцированная политика по отношению к разным этническим группам в зависимости от их размера. Большую роль в её реализации китайское правительство отводило регионам, которые в соответствии с фактической обстановкой корректировали нормы, вводимые вышестоящими инстанциями. В начале XXI в. демографические реалии в стране заметно изменились, рост населения упал до значений ниже простого воспроизводства, поэтому государство перешло к осуществлению политики двудетности, а с 2021 г. — трёхдетности, что фактически положило конец

преференциальной политике по отношению к этническим меньшинствам. Приведённый обзор показывает гибкость китайского государства в осуществлении демографической политики, учитывающей тренды развития населения, специфический национальный состав и неравномерность размещения населения по территории КНР.

Ключевые слова: Китай, КПК, демографическая политика, национальные меньшинства, ограничение рождаемости, этнополитика.

The Development of the CCP's Demographic Policy toward China's Ethnic Minorities (1949—2021).

Ivan Stavrov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: stavivan@yandex.ru.

Throughout its long history, China has been a demographic superpower with pro-natalist views. However, in the second half of the 20th century, the PRC's leadership paid attention to the correlation between economic growth and population size. Therefore, it began to implement a family planning policy, which as a result of the changed economic situation was carried out in the form of the one-child policy. The Chinese government, resorting to birth control measures, considered the complexity of the national composition of the population, its uneven distribution over the territory of the country, so the corresponding course in population policy took this factor into account. The objective of this paper is to analyze the main changes in the demographic policy of the Chinese state with regard to non-Han nationalities from the establishment of the People's Republic of China to the abolition of the one-child policy.

Between the 1950s and 1970s, non-Han Chinese were excluded from birth control. The situation changed in the mid-1980s, when the growth rate of the non-Han population began to outpace the growth of the Chinese population. As a result, the differentiated policy for different ethnic groups based on their size was introduced. The Chinese government assigned a major role in the implementation of the demographic policy to the regions which adjusted the norms imposed by higher authorities according to the real situation. At the beginning of the 21st century, the demographic realities changed markedly in the country, population growth fell below simple reproduction, so the government switched to the two-child policy and from 2021 to the three-child policy that effectively ended the preferential policy towards ethnic minorities. This overview shows the flexibility of the Chinese state in implementing a demographic policy that considers population development trends, specific national composition and uneven distribution of the population across the territory of the People's Republic of China.

Keywords: China, CCP, demographic policy, ethnic minorities, birth control, ethnopolitics.

ВВЕДЕНИЕ

Демографическая политика в Китае по историческим меркам — явление исключительно новое, однако имеющее давние предпосылки. Ещё в IV в. до н.э. один из основоположников легизма Шан Ян (390—338 гг. до н.э.) обращал внимание на необходимость расширения площади обрабатываемых земель и укрепления армии для усиления государства, подразумевая важность увеличения численности населения [4, с. 141—147, 167—175]. И Шан Ян не был одинок в своих убеждениях: в целом представители традиционных китайских философских учений придерживались пронаталистских взглядов, видя в росте населения процветание Поднебесной, несмотря на то что периодически такой рост провоцировал масштабные крестьянские войны, приводившие в упадок государство¹. В первые годы после образования КНР руководство страны в общем придерживалось традиционных взглядов в вопросах развития народонаселения, однако уже во второй половине 1950-х гг. стали осторожно проводиться мероприятия, направленные на сдерживание демографического роста, прерывавшиеся на непродолжительное время в период кампаний «большого скачка» и «культурной революции». С 1971 г. в стране начала осуществляться систематическая политика ограничения рождаемости, что и для китайского общества, и для мировой общественности стало примером масштабного воздействия современного государства на прежде нерегулируемую сферу функционирования социума. Пронаталистская идеология сменяется антитализмом, реализованным в жёсткой политике «одна семья — один ребёнок». Малые народы КНР, однако, в основном не были затронуты в связи со слабым воздействием роста их населения на социально-экономическое развитие страны и ввиду нежелания руководства КПК подвергаться обвинениям в попытках геноцида посредством программ ограничения рождаемости [14, р. 248].

Изучением специфики демографической политики китайского государства в отношении неханьских национальностей занимались отечественные, западные и китайские исследователи. В отечественной историографии наиболее обстоятельный анализ демографических процессов среди этнических

¹ Исследователи выявляли корреляцию между ростом населения и числом народных восстаний.

меньшинств представил А.Д. Дикарёв, рассмотревший вопросы формирования политики народонаселения, особенности естественного движения населения, организацию системы здравоохранения в районах национальной автономии. В силу того, что детальные результаты переписи населения 1990 г. на момент написания им монографии ещё не были опубликованы, исследование в основном затрагивало демографические процессы, происходившие до начала 1980-х гг. [2]. Небольшие обзоры, посвящённые тематике настоящей статьи, были подготовлены Е.С. Баженовой [1, с. 111—117] и А.А. Москалёвым [9, с. 51—65]. В западной историографии политику ограничения рождаемости, особенности режима воспроизводства неханьского населения анализировали Дж. Банистер [14], Т. Шарпинг [23, р. 150—155], Дж. Эйрд [13] и др. Предпринимались попытки изучить результаты демографических кампаний в районах национальной автономии (в Тибете) М. Голдстейном и С. Бэлл [16]. Китайская литература также обширна и представлена как обзорными материалами, так и исследованиями отдельных вопросов. Анализу изменений в режиме рождаемости среди неханьцев посвящены новейшие работы Ян Цзюхуа [29], Цзинь Юнгай и др. [19]. Обзоры по теме настоящей работы содержатся в ряде научных статей и монографий [см., например: 28; 30]. В целом указанная литература затрагивает многие аспекты поднимаемой в статье проблематики. В настоящей работе мной будет предпринята попытка анализа основных изменений в демографической политике китайского государства в отношении неханьских национальностей с момента образования КНР и до отмены политики однодетности (2021).

СКОЛЬКО НАРОДОВ ПРОЖИВАЕТ В КНР?

Ещё в имперскую эпоху укоренилась практика измерения населения, что было вызвано потребностью в сборе налогов. Такие переписи начали проводиться с эпохи Ранней Хань (202 до н.э.—9 г. н.э.) и сохранились до последней империи Цин (1644—1912), хотя в отдельных царствах Древнего Китая периодов Чуньцю (771—403 гг. до н.э.) и Чжаньго (403—220 гг. до н.э.), вероятно, также имели место подобные измерения [подробнее см.: 15; 18]. Учёт населения проводился в соответствии с потребностями государства и усложнялся по мере необходимости. Только в XX в. в Китае во время

переписей стали учитывать не только общую численность населения, его половозрастной состав, но и этноконфессиональные характеристики, социально-экономический уровень отдельных домохозяйств, распространённость грамотности и др. Все эти данные стали важны не только для нужд фискальной системы, Министерства обороны, но и для корректировки социально-экономической и демографической политики.

До образования КНР не было чёткого представления об общей численности неханьцев, их доли в населении страны. По разным данным, в период с 1932 по 1936 г. проживало от 28,6 млн до 55,0 млн национальных меньшинств [28, с. 594—595]. Первая перепись населения КНР (1953) зафиксировала 34,01 млн чел., или 5,89% от всего населения страны (рис. 1). Однако по-прежнему не было сведений о числе народов, проживавших в Китае. Так, 21 июля 1950 г. Дэн Сяопин² в выступлении «О национальном вопросе в Юго-Западном Китае» заявлял: «Сейчас пока не ясно, сколько, в конце концов, национальных меньшинств проживает на Юго-Западе. По недавнему докладу из Юньнани, провинцией представлено на регистрацию 70 с лишним названий национальностей. *Мяочан*, проживающих в другой провинции — Гуйчжоу, говорят, более ста ветвей. На самом деле некоторые ветви к ним не относятся. Например, народность *дун* раньше причислялась к *мяосцам*, но в действительности у неё другой язык и другое историческое прошлое. Да и сама она возражает против этого. Отсюда видно, что мы не только не вошли в двери национального вопроса, но и контуров его не нащупали. Разумеется, через два-три года работы у нас, наверно, составитя полное представление о каждой национальности. Мы, возможно, сумеем выяснить то, что оставалось неясным на протяжении истории» [3, с. 209—210].

В первые годы после основания КНР предполагалось, что в стране проживает от 60 до 100 национальностей [5, с. 113]. Действительно, после проведения Первой всекитайской переписи населения вопросов осталось больше, чем ответов: в ходе мероприятия была получена информация о 400 этнонимах, и только в пров. Юньнань их насчитывалось более 260 [31, с. 162]. При этом некоторые из них были представлены несколькими сотнями, а то и десятками человек [21, р. 328—329]. Вопрос о числе национальных групп носил не только чисто познавательный,

² С 1 августа 1949 г. по июль 1952 г. Дэн Сяопин являлся первым секретарём Юго-Западного бюро ЦК КПК.

Рис. 1. Динамика численности неханьских национальностей КНР по данным переписей. *Сост. по:* [24, с. 487—488; 25, с. 35—54; 26]

но и политический характер, так как в состав Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), согласно закону, должно было войти 150 (из 1200 делегатов) представителей национальных меньшинств, но не менее одного от каждой национальности. В связи с этим Народное правительство КНР инициировало проект классификации национальностей (民族识别, *миньцзу шибе*), направленный на исследование «объективной» картины национального состава.

В реализации этого проекта были задействованы представители академической науки (в первую очередь учёные из Центрального института национальностей, г. Пекин), партийные и государственные работники центральных, региональных и местных органов власти. На основании различных классификаций, часто идеологически и политически мотивированных, целый ряд наименований-*миньцзу* были объединены (подробнее см.: [21]). В начале 1950-х гг. в «список национальностей» было включено 38 народов, затем в 1950-е — начале 1960-х гг. было добавлено 16 национальностей³, а в 1979 г. перечень был пополнен ещё одной этнической группой *цзино* [5, с. 109]. Таким образом, к 1980-м гг. официальный список народов КНР состоял из 56 национальностей и впоследствии не менялся.

³ В этот период список был дополнен следующими народами: туцзя, шэ, дауры, мулао, булан, маонань, гэлао, ачан, пуми, ну, дэан, цзин, дулун, хэчжэ, мэньба и лоба.

Согласно материалам переписей населения КНР, в стране проживают представители неидентифицированных национальностей, которые, судя по всему, просто не входят в перечень официальных народов и, вероятнее всего, так и будут оставаться «неидентифицированными». Например, трудно представить, что в КНР не проживают вьетнамцы (хотя русские-элосыцу имеются), несмотря на длительную историю их присутствия в регионе⁴. В законе о районной национальной автономии (1984) и прочих законодательных актах понятие «национальное меньшинство» не определяется и, по всей видимости, причисление того или иного народа к малым этническим группам носит политизированный характер (что не раз отмечали исследователи). Тем не менее критика проекта классификации национальностей не привела к пересмотру его результатов.

МАЛЫЕ НАРОДЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР В 1950—1960-е гг.

Вскоре после образования КНР руководство страны обратило внимание на проблему неконтролируемого роста населения, что сказывалось на результатах социально-экономического развития. Демографический рост поглощал практически весь прибавочный продукт экономических изменений. Во многом под влиянием социально-экономических факторов власти Китая постепенно стали отходить от традиционных пронаталистских взглядов и начали формировать комплекс мер, направленных на регулирование рождаемости. Ещё в декабре 1954 г. Минздрав КНР выпустил документ «Об улучшении контрацепции и искусственных абортах», ставший отправной точкой в формируемом курсе по ограничению деторождения. Первая в истории кампания по планированию рождаемости началась со второй половины 1956 г. и велась до середины 1958 г. В докладе премьера Госсовета Чжоу Эньлая на VIII съезде КПК «О предложениях по второму пятилетнему плану развития народного

⁴ Предки вьетнамцев проживали к югу от р. Янцзы ещё в начале I тыс. до н.э. В VII—IV вв. они образовали государство Юэ (越国). Затем на территории современной пров. Гуандун с 207 по 111 г. до н.э. существовало государство Наньюэ (南越). После захвата вьетских государств (Миньюэ, 334—110 гг. до н.э., 闽越, совр. пров. Фуцзянь) в правление ханьского У-ди (156—87 гг. до н.э.) значительная часть вьетов была вытеснена на территорию полуострова Индокитай. В современном китайском языке Вьетнам называется Юэнань (越南).

хозяйства» (16.09.1956) заявлялось: «В целях охраны материнства и младенчества, хорошего воспитания нового поколения и заботы о здоровье и процветании нации мы положительно относимся к соответствующему ограничению рождаемости. Органы здравоохранения <...> должны надлежащим образом проводить пропаганду ограничения деторождения и принимать эффективные меры в этой области» [8, с. 162].

С началом кампании «большого скачка» (1958—1961) кампания по ограничению рождаемости была временно свёрнута. В 1960-е гг. действовали рекомендации о позднем вступлении в брак, в ряде случаев, впрочем, носившие директивный характер⁵. Для женщин лучшим возрастом указывалось 23—27 лет, для мужчин — 25—30 [1, с. 242]. В целом в период 1950—1960-х гг. кампании по ограничению деторождения носили фрагментарный характер и существенно не повлияли на режим воспроизводства населения.

В отношении неханьских национальностей в этот период кампании по сдерживанию воспроизводства не проводились, скорее, поощрялось расширенное деторождение [2, с. 38]. Так, Мао Цзэдун, выступая на пленуме ЦК КПК 9 октября 1957 г., заявил: «Плановое деторождение не следует распространять на национальные и малонаселённые районы» [7, с. 592]. Значительная часть этнических меньшинств КНР проживала на окраинных, малозаселённых территориях, поэтому рост населения в этих регионах способствовал их освоению. Отчасти, как уже отмечалось выше, попытки распространить программы сдерживания рождаемости на неханьцев могли иметь негативные идеологические последствия.

Несмотря на статус меньшинств, неханьцы нередко подвергались дискриминации и вынуждены были скрывать национальную принадлежность, особенно во время кампаний «большого скачка» и «культурной революции». В течение первой это идеологически обосновывалось концепцией ускоренного стирания этнических границ в период построения социализма; в рамках второй национальный вопрос стал рассматриваться как классовый, т.е. национальная принадлежность становилась признаком принадлежности если не к реакционным классам,

⁵ Например, во «Временных правилах, касающихся некоторых проблем планирования рождаемости» (февраль 1964 г.) говорилось, что женатые (замужние) молодые люди не могли быть зачислены в вузы, техникумы и специализированные средние школы. Подробнее см.: Provisional Rules on Some Problems of Birth Planning. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2753/CSA0009-4625320324> (дата обращения: 15.05.2024).

то как минимум к искореняемому «старому обществу» (подробнее см.: [12, с. 93—94]). На практике же все эти установки привели к росту насилия и ханьского этноцентризма, с которым до того активно боролись со времени образования КНР [7, с. 98, 353—354, 489—490].

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ОДНОДЕТНОСТИ И ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ СРЕДИ НЕХАНЬЦЕВ

По окончании первого этапа «культурной революции» (1966—1969) и с постепенной нормализацией внутривластной обстановки в стране правительство КНР вновь обратилось к идее ограничения рождаемости, что было вызвано ростом уровня безработицы (в конце 1970-х гг., по официальным данным, она составила 26—30 млн чел.⁶), сложностями развития системы медицинского обслуживания и др. 8 июля 1971 г. Госсоветом был принят Документ № 51, согласно которому необходимо было усилить пропаганду позднего вступления в брак и планирования рождаемости [1, с. 243]. Им же «малонаселённые районы проживания национальных меньшинств» выводились из-под программ планирования семьи, но на практике действие директивы было распространено практически на всех неханьцев [2, с. 42]. Однако в циркуляре оговаривалось: «В малонаселённых районах или регионах проживания национальных меньшинств необходимо также предоставлять технические рекомендации по планированию семьи тем, кто нуждается в контроле рождаемости»⁷. Таким образом, планирование семьи среди неханьцев носило лишь рекомендательный характер. Курс на однодетность среди граждан КНР был оформлен Документом № 69 ЦК КПК (26.10.1978)⁸, но и он на неханьцев не распространялся.

⁶ Обычно ГСУ КНР публикует данные по безработице в городах, исключая сельскую местность.

⁷ Подробнее см.: 国务院转发卫生部, 商业部, 燃料化学工业部“关于做好计划生育工作的报告” [1971]国发文51号 = Госсовет направил «Доклад о работе по планомерному деторождению» в Министерство здравоохранения, Военно-контрольный комитет, Министерство торговли и Министерство топливно-химической промышленности. Документ Госсовета № 51 [1971]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-11/19/content_10304.htm (дата обращения: 15.05.2024).

⁸ См.: 中央批转“关于国务院计划生育领导小组第一次会议的 报告“的通知中发 [1978]69号 = Уведомление ЦК КПК об утверждении «Доклада о первом заседании Малой руководящей группы Госсовета по планированию рождаемости». Документ ЦК КПК № 69 [1978]. URL: <http://www.reformdata.org/1978/0919/25611.shtml> (дата обращения: 15.05.2024).

Необходимость планирования рождаемости среди всего населения КНР была отражена в текстах конституций КНР 1978 и 1982 гг., а применительно к неханьцам данное установление содержится в Законе о районной национальной автономии (1984 г., ст. 44). Однако в данных актах отсутствовали конкретные положения, они были разъяснены в Документе № 7 ЦК КПК (13.04.1984): «Семьям национальных меньшинств с населением менее 10 млн разрешено иметь двух детей, в отдельных случаях разрешено иметь трёх детей, но не допускать рождение четвёртых [детей]» [11, с. 147]. В Документе также оговаривалось, что конкретные нормативные акты должны быть разработаны местными Собраниями народных представителей районов национальной автономии и провинций в «соответствии с фактическими местными условиями»⁹. Данное установление носило рамочный характер, и на практике были возможны отступления от его директив. В частности, в ряде случаев четвёртого ребенка могли иметь те неханьцы, численность которых не превышала 50 тыс. чел., а на малочисленные народы практика ограничения рождаемости часто не распространялась вовсе [9, с. 54].

Курс правительства в исследуемом вопросе нашёл отражение в процессе регионального законотворчества, которое развивало и дополняло положения общегосударственных нормативных актов. В автономных районах новая политика народонаселения распространялась на ханьцев ещё с 1970-х гг. Во Внутренней Монголии (АРВМ) лишь в 1988 г. нормы планового деторождения стали распространяться на национальные меньшинства. С 1990 г. монголам, проживающим в городах АРВМ, разрешалось иметь двух детей, а проживающим в сельской местности — трёх, если одной из первых двух детей была девочка. Корейцам и хуэй АРВМ разрешалось родить двоих, а дауры, эвенки и оро-чоны полностью освобождались от ограничений. В пров. Чжэцзян неханьцам с сентября 1990 г. разрешалось иметь лишь двоих детей¹⁰. В Гуанси-Чжуанском автономном районе титульной национальности — чжуанам, чья численность, по данным

⁹ См.: 中共中央批转国家计划生育委员会党组“关于计划生育工作情况的汇报“中发【1984】第7号 = ЦК КПК утвердил доклад Госкомитета по делам планового деторождения «Относительно условий работы по контролю за рождаемостью». Документ ЦК КПК № 7 [1984] (из личного архива автора).

¹⁰ Документы об истории политики планирования семьи см. в: Chinese Sociology & Anthropology. 2000. Vol. 32. Iss. 3—4. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/mcsa19/32/3> (дата обращения: 15.05.2024).

переписи 1982 г., превысила 10 млн чел., — предоставили те же права, что и ханьцам, однако прочим народам региона было позволено иметь больше детей [23, p. 151].

Распространение политики планирования семьи на неханьцев стало вызывать озабоченность среди некоторых китайских и в особенности западных исследователей и активистов. В частности, объектом критики ряда западных исследователей стала ситуация в Тибете, где, как утверждалось, проводилась массовая стерилизация коренного населения, практиковались принудительные аборт и даже инфантицид. Однако, как показал анализ одного из корифеев тибетологии, М. Голдстейна, факты опровергают эти установки. Во многом такие взгляды были привнесены представителями тибетской диаспоры, существенно преувеличившими циркулирующие слухи, а в ряде случаев распространённость подобных идей связана с отчуждением местного населения, вызванным последствиями восстания в Тибете 1959 г., социально-экономической политикой в регионе [16, p. 300—303; см. также: 17].

Формирование исследуемого курса завершает принятый в 2001 г. закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости. Документом чётко оговаривались основные права граждан в сфере деторождения, а ст. 18 распространяла обязанность планирования семьи и на неханьские национальности [11, с. 147—148]. На основе этого закона были внесены изменения в региональные положения о планировании рождаемости.

В целом изменения в политике планирования семьи по отношению к национальным меньшинствам стало реакцией на заметное расхождение показателей доли численности ханьского и неханьского населения [6, с. 49]. Несмотря на опасения, что политика планирования семьи приведёт если не к геноциду, то к снижению темпов роста численности неханьцев, данные переписей показывают, что эти страхи были преувеличены. Как видно из рис. 1, доля неханьского населения выросла с 5,89% в 1953 г. до 8,89% в 2020 г., а общая численность этнических меньшинств выросла с 34,01 до 125,46 млн чел. (в 3,7 раза). Увеличившаяся доля неханьского населения, а также общая динамика изменений его численности сформировали у китайских исследователей мнение, что необходимо более взвешенно подходить к проблеме планирования семьи среди национальных меньшинств во избежание неконтролируемого роста. Так, ещё в конце 1990-х гг. были подготовлены демографические прогнозы, рассматривающие три сценария (табл. 1).

Таблица 1

**Сценарии демографического роста неханьских национальностей
(1990—2040 гг.)**

Год	Сценарий 1		Сценарий 2		Сценарий 3	
	млн чел.	доля населения, в %	млн чел.	доля населения, в %	млн чел.	доля населения, в %
1990	91,32	8,08	91,32	8,08	91,32	8,08
2000	108,56	8,54	112,17	8,82	112,33	8,83
2010	137,39	9,49	153,88	10,62	156,35	10,79
2030	140,68	9,69	160,83	11,08	164,31	11,32
2040	143,51	10,05	171,82	12,03	178,15	12,48

Приведено по: [27, с. 43].

Согласно первому сценарию, увеличение численности неханьцев будет осуществляться поступательно, тем не менее к 2040 г. их доля в населении должна будет составить 10,05% (143,51 млн чел.). По самому «оптимистичному» прогнозу (№ 3), увеличение должно проходить более быстрыми темпами, и численность неханьцев достигнет 178,15 млн чел. (12,48%). Однако опасения экспертов не подтвердились: данные таблицы 2 демонстрируют, что прогнозы не оправдались даже к 2000 г. На снижение темпов прироста неханьцев влияют те же факторы, что и на уменьшение числа ханьцев: завершение демографического перехода, рост урбанизации и в целом уровня жизни населения и т.п. Некоторые национальности перешли от расширенного к суженному воспроизводству раньше, поэтому у ряда неханьцев наблюдается даже депопуляция (корейцы, маньчжуры, гаошань, таджики), а у других заметно снизились темпы прироста населения (подробнее см.: [19]).

**«ПЕРЕВОРОТ» 2010-х: ОТ ПОЛИТИКИ ОГРАНИЧЕНИЯ
РОЖДАЕМОСТИ К ЕЁ ОТМЕНЕ**

Политика ограничения рождаемости с самого её введения подвергалась критике со стороны экспертного сообщества КНР. Ещё в 1970-е гг. специалисты обращали внимание на ряд последствий планирования семьи, в первую очередь это старение населения и рост демографической нагрузки на граждан в трудоспособном возрасте. Однако партийно-государственное руководство отчасти вынуждено было пойти на такие меры

Таблица 2

Национальный состав КНР по данным переписей населения (1953—2020 гг.), чел.

Национальность	1953	1964	1982	1990	2000	2010	2020
Всё население, млн чел.	577,856	691,220	1 003,913	1 130,510	1 242,612	1 332,810	1 409,778
Ханьцы 汉族, млн чел.	542,824	651,296	936,674	1 039,187	1 137,386	1 220,844	1 284,446
Все неханьцы	34 013 782	39 883 909	66 434 341	90 567 245	104 490 735	113 792 211	125 467 390
Доля неханьского населения, в %	5,89	5,77	6,62	8,01	8,41	8,49	8,89
Монголы 蒙古族	1 451 035	1 965 766	3 411 367	4 802 407	5 813 947	5 981 840	6 290 204
Хуэй 回族	3 530 498	4 473 147	7 228 398	8 612 001	9 816 805	10 586 087	11 377 914
Тибетцы 藏族	2 753 081	2 501 174	3 847 875	4 593 072	5 416 021	6 282 187	7 060 731
Уйгуры 维吾尔族	3 610 462	3 996 311	5 963 491	7 207 024	8 399 393	10 069 346	11 774 538
Мяо 苗族	2 490 874	2 782 088	5 021 175	7 383 622	8 940 116	9 426 007	11 067 929
И 彝族	3 227 750	3 380 960	5 453 564	6 578 524	7 762 272	8 714 393	9 830 327
Чжуаны 壮族	6 864 585	8 386 140	13 383 086	15 555 820	16 178 811	16 926 381	19 568 546
Буи 布依族	1 237 714	1 348 055	2 119 345	2 548 294	2 971 460	287 034	3 576 752
Корейцы 朝鲜族	1 111 275	1 339 569	1 765 204	1 923 361	1 923 842	1 830 929	1 702 479
Маньчжуры 满族	2 399 228	2 695 675	4 304 981	9 846 776	10 682 262	10 387 958	10 423 303
Дун 侗族	712 802	836 123	1 426 400	2 508 624	2 960 293	2 879 974	3 495 993

Яо 瑶族	665 933	857 265	1 411 967	2 137 033	2 637 421	2 796 003	3 309 341
Бай 白族	567 119	706 623	1 132 224	1 598 052	1 858 063	1 933 510	2 091 543
Туцзя 土家族	—	524 755	2 836 814	5 725 049	8 028 133	8 353 912	9 587 732
Хани 哈尼族	481 220	628 727	1 058 806	1 254 800	1 439 673	1 660 932	1 733 166
Казахи 哈萨克族	509 375	491 637	907 546	1 110 758	1 250 458	1 462 588	1 562 518
Дай 傣族	478 966	535 389	839 496	1 025 402	1 158 989	1 261 311	1 329 985
Ли 黎族	360 950	438 813	887 107	1 112 498	1 247 814	1 463 064	1 602 104
Лису 傈僳族	317 465	270 628	481 884	574 589	634 912	702 839	762 996
Ва 佤族	286 158	200 272	298 611	351 980	396 610	429 709	430 977
Шэ 畲族	—	234 167	371 965	634 700	709 592	708 651	746 385
Гаошань 高山族	329	366	1 650	2 877	4 461	4 009	3 479
Лаху 拉祜族	139 060	191 241	304 256	411 545	453 705	485 966	499 167
Шуй 水族	133 566	156 099	286 908	347 116	406 902	411 847	495 928
Дунсян 东乡族	155 761	147 443	279 523	373 669	513 805	621 500	774 947
Наси 纳西族	143 453	156 796	251 592	277 750	308 839	326 295	323 767
Цзинпо 景颇族	101 852	57 762	92 976	119 276	132 143	147 828	160 471
Киргизы 柯尔克孜族	70 944	70 151	113 386	143 537	160 823	186 708	204 402

Окончание табл. 2

Национальность	1953	1964	1982	1990	2000	2010	2020
Ту 土族	53 277	77 349	159 632	192 568	241 198	289 565	281 928
Дауры 达斡尔族	—	63 394	94 126	121 463	132 394	131 992	132 299
Мулао 仫佬族	—	52 819	90 357	160 648	207 352	216 257	277 233
Цян 羌族	35 660	49 105	102 815	198 303	306 072	309 576	312 981
Булан 布朗族	—	39 411	58 473	82 398	91 882	119 639	127 345
Салары 撒拉族	30 658	34 664	69 135	87 546	104 503	130 607	165 159
Маонань 毛南族	—	22 382	38 159	72 370	107 166	101 192	124 092
Гэлао 仡佬族	—	26 852	54 164	438 192	579 357	550 746	677 521
Сибо 锡伯族	19 022	33 438	83 683	172 932	188 824	190 481	191 911
Ачан 阿昌族	—	12 032	20 433	27 718	33 936	39 555	43 775
Пуми 普米族	—	14 298	24 238	29 721	33 600	42 861	45 012
Таджики 塔吉克族	14 462	16 236	26 600	33 223	41 028	51 069	50 896
Ну 怒族	—	15 047	22 896	27 190	28 759	37 523	36 575
Узбеки 乌孜别克族	13 626	7 717	12 213	14 763	12 370	10 569	12 742
Русские 俄罗斯族	22 656	1 326	2 917	13 500	15 609	15 393	16 136
Эвенки 鄂温克族	4 957	9 681	19 398	26 379	30 505	30 875	34 617

Дэан 德昂族	—	7 261	12 297	15 461	17 935	20 556	22 354
Баоань 保安族	4 957	5 125	9 017	11 683	16 505	20 074	24 434
Юйгу 裕固族	3 861	5 717	10 568	12 293	13 719	14 378	14 706
Цзин 京族	—	4 293	13 108	18 749	22 517	28 199	33 112
Татары 塔塔尔族	6 929	2 294	4 122	5 064	4 890	3 556	3 544
Дулуны 独龙族	—	3 090	4 633	5 825	7 426	6 930	7 310
Орочоны 鄂伦春族	2 262	2 709	4 103	7 004	8 196	8 659	9 168
Хэчжэ 赫哲族	—	718	1 489	4 254	4 640	5 354	5 373
Мэньба 门巴族	—	3 809	1 140	7 498	8 923	10 561	11 143
Лоба 珞巴族	—	—	1 066	2 322	2 965	3 682	4 237
Цзино 基诺族	—	—	11 962	18 022	20 899	23 143	26 025
Прочие* 未定族称人口	1 017 299	32 411	799 705	752 347	734 438	640 101	836 488
Нагурализованные граждане** 入籍	1 004	7 416	4 937	3 498	941	1 448	16 595

Сост. по: [24, с. 487—488; 25, с. 35—54; 26].

* Неидентифицированные национальности.

** Иностранцы, получившие китайское гражданство.

в силу того, что демографический дивиденд привёл бы к нивелированию результатов социально-экономических преобразований, замедлил процесс превращения Китая в среднеразвитое общество. Именно поэтому ещё на XII съезде КПК (1982) была поставлена задача сдерживать рост населения до 1,2 млрд чел. к 2000 г. Тем не менее выводы экспертов показывали, что жёсткие ограничительные меры малоэффективны в том смысле, что демографическое поведение китайцев стало меняться в процессе демографического перехода и разрешение на рождение второго ребёнка не вызовет взрывного роста населения, а лишь в более мягком режиме придёт к новой норме. Однако многочисленные дебаты вплоть до 2013 г. не давали зримых результатов: правительственная политика оставалась консервативной [22].

Ко второму десятилетию XXI в. стало очевидно, что темпы роста населения страны существенно замедлились, а коэффициент фертильности упал ниже уровня простого замещения. Эти изменения стали приводить к увеличению нагрузки на систему социального обеспечения, а также снизили предложение дешёвой рабочей силы — важного компонента экспортно-ориентированной экономики КНР. Социологические исследования показали, что от 60 до 70% семей не хотели в скором будущем иметь двух детей, и лишь около 50% высказались за возможное появление в их семье второго ребёнка когда-нибудь в неопределённом будущем [22, р. 336]. За всем этим последовала поспешная отмена политики «одна семья — один ребёнок». Особую роль в этом сыграли решения Третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва (12.11.2013), согласно которым семьям, где хотя бы один из родителей был единственным ребёнком, позволялось родить двух детей¹¹. В конце 2015 г. в Закон о народонаселении и планировании рождаемости были внесены поправки: теперь все семьи могли иметь двух детей [10, с. 41]. Наконец, 20 августа 2021 г. в названный закон были внесены очередные изменения: «Государство поощряет соответствующие возрасту браки и деторождение... У пары может быть трое детей» (ст. 18)¹². Таким образом, политика ограничения рождаемости, действующая на протяжении полувека (1971—2021), была практически

¹¹ Подробнее см.: 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 = Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (дата обращения: 15.05.2024).

¹² См.: 中华人民共和国人口与计划生育法 = Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202109/t20210903_313395.html (дата обращения: 15.05.2024).

полностью отменена. Впрочем, и эти меры не привели к существенному росту рождаемости: китайское общество уже привыкло к малодетности.

Как изменения в политике ограничения рождаемости сказываются на неханьских национальностях? Всё та же ст. 18 Закона о народонаселении провозглашает: «Национальные меньшинства также должны практиковать планирование семьи, а конкретные меры должны быть предписаны собраниями народных представителей провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства, или их постоянными комитетами». В сущности, преференции в планировании семьи, действовавшие в отношении неханьцев (подробнее см.: [20]), теперь распространены на всё население страны и фактически перестали быть привилегиями для подавляющего числа этнических меньшинств. Однако демографическая статистика показывает, что к настоящему времени демографическое поведение неханьцев практически повсеместно сравнялось с поведением ханьцев, а среди некоторых этнических групп (например, корейцев) режим суженного воспроизводства уже привёл к депопуляции¹³ (подробнее см.: [19]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай на протяжении своей многовековой истории являлся демографической сверхдержавой, рост населения в которой считался признаком благосостояния и силы государства. Однако во второй половине XX в. руководство КНР обратило внимание на зависимость экономического роста от численности населения, в связи с чем стало проводить политику планирования семьи, которая, являясь реакцией на изменившуюся экономическую конъюнктуру, осуществлялась в форме курса на однодетность. Власти, прибегая к мерам по ограничению рождаемости, учитывали сложность национального состава населения, его неравномерное распределение по территории страны, поэтому соответствующий курс в политике народонаселения учитывал этот фактор. В 1950-е гг. основной задачей стало выяснение национального состава страны, результатом чего стал проект идентификации национальностей (*миньцзу шибе*),

¹³ Правительство Яньбянь-Корейского автономного округа пров. Цзилить ещё в 2012 г. ввело ряд мер, призванных стимулировать рождаемость среди корейского населения автономии [11, с. 149].

который позволил к концу 1970-х гг. составить до сих пор актуальный список национальностей. При этом неханьцы до начала 1980-х гг. не подвергались ограничениям рождаемости.

Изменения в политике планирования семьи по отношению к национальным меньшинствам произошли с середины 1980-х гг., когда темпы увеличения их численности стали заметно опережать рост китайского населения. Была введена дифференцированная политика по отношению к разным этническим группам в зависимости от их размера. Большую роль в развитии демографического курса китайское правительство отводило регионам, которые в соответствии с фактической ситуацией корректировали нормы, вводимые вышестоящими инстанциями. В начале XXI в. демографические реалии в стране заметно изменились, рост населения упал до значений ниже простого воспроизводства, поэтому государство перешло к осуществлению политики двудетности, а с 2021 г. — трёхдетности, что фактически положило конец преференциальной политике по отношению к этническим меньшинствам.

Приведённый обзор показывает гибкость китайского государства в области осуществления демографической политики, которая учитывает тренды развития населения, специфический национальный состав и неравномерность размещения населения по территории страны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баженова Е.С. 1300000000. Население Китая. М.: Форум, 2010. 304 с.
2. Дикарёв А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств КНР. М.: Вост. лит., 1996. 176 с.
3. Дэн Сяопин. Избранное. 2-е изд. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1995. Т. 1. 489 с.
4. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / пер. с кит. Л.С. Переломова. 2-е изд. М.: Ладомир, 1993. 392 с.
5. Кочукова Е.А. К вопросу об истории классификации народов КНР // Этнографическое обозрение. 2014. № 6. С. 108—124.
6. Кречетова В.С. Национальный аспект демографической проблемы КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3. С. 46—55.
7. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1977. Т. V. 637 с.
8. Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М.: Политиздат, 1956. 536 с.
9. Москалёв А.А., Жоголев Д.А., Пузицкий Е.В., Лазарева Т.В. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.). М.: ИДВ РАН, 1996. Ч. 2. 184 с.
10. Русанова Н.Е., Ван Е. Особенности нового китайского пронатализма // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4. С. 39—51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4.

11. Ставров И.В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI в.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 146—151.
12. Ставров И.В. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921—2021 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 2. С. 83—101. DOI: 10.24412/102688042021283101.
13. Aird J.S. The Preliminary Results of China's 1982 Census // The China Quarterly. 1983. Vol. 96. P. 613—640. DOI: 10.1017/s0305741000024358.
14. Banister J. China's Changing Population. Stanford: Stanford University Press, 1987. 489 p.
15. Bielenstein H. The Census on China During the Period 2—742 A.D. // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1947. No. 19. P. 125—163. URL: <https://archive.org/details/Bulletin19/page/n359/mode/1up> (дата обращения: 15.05.2024).
16. Goldstein M.C., Beall C.M. China's Birth Control Policy in the Tibet Autonomous Region: Myths and Realities // Asian Survey. 1991. Vol. 31. Iss. 3. P. 285—303. DOI: 10.2307/2645246.
17. Hao Yan. Tibetan Population in China: Myths and Facts Re-examined // Asian Ethnicity. 2000. Vol. 1. Iss. 1. P. 285—303. DOI: 10.1080/146313600115054.
18. Ho Ping-ti. Studies on the Population of China, 1368—1953. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1959. 375 p.
19. Jin Yongai, Hu Wenbo, Wang Donghui. Fertility Transition of Han and Ethnic Minorities in China: A Tale of Convergence and Variation // Chinese Journal of Sociology. 2023. Vol. 9 (4). P. 522—552. DOI: 10.1177/2057150X231207916.
20. Laibold J. Preferential Policies for Ethnic Minorities in China // Handbook on Ethnic Minorities in China. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 165—188. DOI: 10.4337/9781784717360.00015.
21. Mullaney Th. S. Seeing for the State: the Role of Social Scientists in China's Ethnic Classification Project // Asian Ethnicity. 2010. Vol. 11. No. 3. P. 325—342. DOI: 10.1080/14631369.2010.510874.
22. Scharping Th. Abolishing the One-Child Policy: Stages, Issues and the Political Process // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 28. Iss. 117. P. 327—347. DOI: 10.1080/10670564.2018.1542217.
23. Scharping Th. Birth Control in China 1949—2000: Population Policy and Demographic Development. London; New-York: Routledge, 2006. 406 p.
24. 2004中国民族统计年鉴 = Статистический ежегодник национальностей КНР за 2004 г. Пекин: 民族出版社, 2004. 697 с.
25. 中国2010年人口普查资料. 第一册 = Материалы всекитайской переписи населения 2010 г. Пекин: 中国统计出版社, 2012. Т. 1. 680 с.
26. 中国人口普查年鉴2020 = Ежегодник переписи населения КНР 2020. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexch.htm> (дата обращения: 15.05.2024).
27. 张天路. 中国少数民族人口五十年 = Чжан Тяньлу. Народонаселение национальных меньшинств КНР за 50 лет // 民族团结. 1999. № 10. С. 42—44.
28. 新中国人口六十年 / 路遇, 翟振武主编 = Народонаселение КНР за 60 лет / под ред. Лу Юйя, Ди Чжэнью. Пекин: 中国人口出版社, 2009. 1187 с.
29. 杨菊华. 中国少数民族人口的生育转变 = Ян Цзюхуа. Изменение рождаемости среди национальных меньшинств в Китае // 人口与经济. 2023. № 3. P. 35—51. DOI: 10.3969/j.issn.1000-4149.2023.00.020.
30. 毕忠鹏, 段成荣, 盛丹阳. '中国人口规模历史变动的分民族研究——基于1953~2020年七次人口普查数据的分析' = Би Чжунпэн, Дуань Чэнжун,

- Шэн Даньян. Исследование исторических изменений численности населения Китая по этническим группам — анализ на основе данных семи переписей населения с 1953 по 2020 год // 广西民族研究. 2022. Т. 168. № 6. P. 1—13. DOI: 10.3969/j.issn.1004-454X.2022.06.001.
31. 费孝通. 关于我国民族的识别问题 = Фэй Сяотун. О проекте идентификации национальностей // 费孝通. 民族研究文集 = Фэй Сяотун. Избранные работы по этнологии. Пекин: 民族出版社, 1988. С. 158—187.

REFERENCES

1. Bazhenova E.S. *1300000000. Naselenie Kitaya* [1300000000. China's Population]. Moscow, Forum Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
2. Dikarev A.D. *Demograficheskie problemy natsional'nykh men'shinstv KNR* [The Demographic Problems of Ethnic Minorities of the PRC]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
3. Den Xiaopin. *Izbrannoe* [Selected Works]. 2nd ed. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1995, vol. 1, 489 p. (In Russ.)
4. *Kniga pravatelya oblasti Shan (Shan jun shu)* [The Book of Lord Shang (Shang Jun Shu)]. Transl. from Chinese by L.S. Perelomov. 2nd ed. Moscow, Ladomir Publ., 1993, 392 p. (In Russ.)
5. Kochukova E.A. K voprosu ob istorii klassifikatsii narodov KNR [On the History of Classification of Peoples in the PRC]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 6, pp. 108—124. (In Russ.)
6. Krechetova V.S. Natsional'nyy aspekt demograficheskoy problemy KNR [The National Aspect of the Demographic Challenge in PRC]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2007, no. 3, pp. 46—55. (In Russ.)
7. Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Beijing, Izd-vo lit. na inostr. yaz. Publ., 1977, vol. 5, 637 p. (In Russ.)
8. *Materialy VIII Vsekitayskogo s"ezda KPK* [Materials of the 8th China Communist Party Congress]. Moscow, Politizdat Publ., 1956, 536 p. (In Russ.)
9. Moskalev A.A., Zhogolev D.A., Puzitskiy E.V., Lazareva T.V. *Natsional'nyy vopros v KNR (1949—1994 gg.)* [The National Question in PRC (1949—1994)]. Moscow, IDV RAN Publ., 1996, part 2, 184 p. (In Russ.)
10. Rusanova N.E., Wang Ye. Osobennosti novogo kitayskogo pronatalizma [Features of the New Chinese Pronatalism]. *Narodonaselenie*, 2023, vol. 26, no. 4, pp. 39—51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4. (In Russ.)
11. Stavrov I.V. Tendentsii demograficheskogo razvitiya nekhan'skih natsional'nostey Severo-Vostochnogo Kitaya (nachalo XXI v.) [The Main Tendencies of the Demographic Development of Non-Han Nationalities in the Northeast China (the Beginning of the 21st Century)]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 146—151. (In Russ.)
12. Stavrov I.V. Evolyutsiya pozitsii KPK po natsional'nomu voprosu (1921—2021 gg.) [Evolution of the CCP's Stance on the National Question (1921—2021)]. *Rossiya i ATR*, 2021, no. 2, pp. 83—101. DOI: 10.24412/102688042021283101. (In Russ.)
13. Aird J.S. The Preliminary Results of China's 1982 Census. *The China Quarterly*, 1983, vol. 96, pp. 613—640. DOI: 10.1017/s0305741000024358. (In Eng.)
14. Banister J. *China's Changing Population*. Stanford, Stanford University Press Publ., 1987, 489 p. (In Eng.)
15. Bielenstein H. The Census on China during the Period 2—742 A.D. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1947, no. 19,

- pp. 125—163. Available at: <https://archive.org/details/Bulletin19/page/n359/mode/1up> (accessed 15.05.2024). (In Eng.)
16. Goldstein M.C., Beall C.M. China's Birth Control Policy in the Tibet Autonomous Region: Myths and Realities. *Asian Survey*, 1991, vol. 31, iss. 3, pp. 285—303. DOI: 10.2307/2645246. (In Eng.)
 17. Hao Yan. Tibetan Population in China: Myths and Facts Re-examined. *Asian Ethnicity*, 2000, vol. 1, iss. 1, pp. 285—303. DOI: 10.1080/146313600115054. (In Eng.)
 18. Ho Ping-ti. *Studies on the Population of China, 1368—1953*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press Publ., 1959, 375 p. (In Eng.)
 19. Jin Yongai, Hu Wenbo, Wang Donghui. Fertility Transition of Han and Ethnic Minorities in China: A Tale of Convergence and Variation. *Chinese Journal of Sociology*, 2023, vol. 9 (4), pp. 522—552. DOI: 10.1177/2057150X231207916. (In Eng.)
 20. Laibold J. Preferential Policies for Ethnic Minorities in China. *Handbook on Ethnic Minorities in China*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing Publ., 2016, pp. 165—188. DOI: 10.4337/9781784717360.00015. (In Eng.)
 21. Mullaney Th. S. Seeing for the State: the Role of Social Scientists in China's Ethnic Classification Project. *Asian Ethnicity*, 2010, vol. 11, no. 3, pp. 325—342. DOI: 10.1080/14631369.2010.510874. (In Eng.)
 22. Scharping Th. Abolishing the One-Child Policy: Stages, Issues and the Political Process. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 28, iss. 117, pp. 327—347. DOI: 10.1080/10670564.2018.1542217. (In Eng.)
 23. Scharping Th. *Birth Control in China 1949—2000: Population Policy and Demographic Development*. London, New-York, Routledge Publ., 2006, 406 p. (In Eng.)
 24. 2004中国民族统计年鉴 [China Ethnic Minority Statistical Yearbook 2004]. Beijing, 民族出版社 Publ., 2004, 697 p. (In Chin.)
 25. 中国2010年人口普查资料. 第一册 [Tabulation on the 2010 Population Census of the PRC]. Beijing, 中国统计出版社 Publ., 2012, vol. 1, 680 p. (In Chin.)
 26. 中国人口普查年鉴 [China Population Census Yearbook 2020]. Available at: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexch.htm> (accessed 15.05.2024). (In Chin.)
 27. 张天路. 中国少数民族人口五十年 [Zhang Tianlu. Population of National Minorities in the PRC for the Last 50 Years]. *民族团结*, 1999, no. 10, pp. 42—44. (In Chin.)
 28. 新中国人口六十年 / 路遇, 翟振武主编 [Population of the PRC for the Last 60 Years]. Ed. by Lu Yu, Di Zhenwu. Beijing, 中国人口出版社 Publ., 2009, 1187 p. (In Chin.)
 29. 杨菊华. 中国少数民族人口的生育转变 [Yang Juhua. Fertility Transition of Ethnic Minority Population in China]. *人口与经济*, 2023, no. 3, pp. 35—51. DOI: 10.3969/j.issn.1000-4149.2023.00.020. (In Chin.)
 30. 毕忠鹏, 段成荣, 盛丹阳. ‘中国人口规模历史变动的分民族研究——基于1953~2020年七次人口普查数据的分析 [Bi Zhongpeng, Duan Chengrong, Shen Danyang. A Study on Ethnic Differences in the Historical Changes of Chinese Population Scale: Analysis Based on the Seven Censuses Data from 1953 to 2020]. *广西民族研究*, 2022, vol. 168, no. 6, pp. 1—13. DOI: 10.3969/j.issn.1004-454X.2022.06.001. (In Chin.)
 31. 费孝通. 关于我国民族的识别问题 [Fei Xiaotong. On the Identification Project of Nationalities]. 费孝通. 民族研究文集 [Fei Xiaotong. Selected Works on Ethnology]. Beijing, 民族出版社 Publ., 1988, pp. 158—187. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 16.05.2024